

Этот город

Андрей Марченко

ФАНТАСТИКА

Художник Е. Силина

*Этот город скользит и меняет названья.
Этот адрес давно кто-то тщательно стер.
Этой улицы нет, а на ней нету зданья,
Где всю ночь правит бал Абсолютный Вахтер.*
А. Башлачев

Старик Бо поднялся рано, собираясь, пока не сильно жарко, накосить травы для своей лошади. Спустился в конюшню, но застал свою кобылу спящей. Решил ее не будить. Выкатил велосипед, приторочил к нему косу и отправился за травой...

Как водится, бургомистр узнал обо всем последним. В свой кабинет он вошел после завтрака, в неприменной мантии с цепью на груди, но в домашних тапочках на босу ногу.

Там его уже ждал брандмайор, одетый в обычную строгую униформу. По случаю жары на кителе была расстегнута верхняя пуговица.

— Уф!..— проговорил бургомистр, вытирая пот с лица.— Ну и погода с утра! Как думаешь, скоро будет дождь?

— Я сегодня видел воробья, купающегося в пыли,— осторожно ответил брандмайор.— Но он явно выдавал желаемое за действительное.

Бургомистр будто невзначай смел со столешницы в верхний ящик стола оловянных солдатиков. Затем уселся на свое место, милостиво показал на стул гостю. Тот присел.

— Я тут подумал на досуге... А не устроить ли нам в Городе пожар? Разумеется, учебно-тренировочный, к какому-нибудь празднику. Яркие события, люди в форме... Все это должно взбодрить горожан.

— Не думаю, что это хорошая идея,— спокойно возразил гость.— Город не любит пожаров. К тому же при нынешней погоде это просто опасно. Трава высохла, в колодцах мало воды.

Бургомистр кивнул: все это так. Последний пожар случился полтора года назад, в булочной около мэрии. Тогда она находилась в респектабельном центре, но потом рассерженный Город отнес булочную на околицу, где почти все жители пекли хлеб сами.

Впрочем, здесь бывало и хуже: недавно Город вытолкнул за околицу негодный дом, затем потерял целый квартал. Тут неизвестно какая дорога — кольцевая. Встречаются самобеглые газоны. Иной выйдет в магазин за булочками, а его улица возьмет да и выведет за город, в чистое поле.

— Впрочем, я к вам по делу,— сказал брандмайор.
— Вот бы не подумал. И по какому?
— Город ждет чужака.
— В самом деле?
— Дом матушки Гортензии отрастил еще одну комнату на втором этаже, окнами в яблоневоый сад.

Градоначальник кивнул, задумался. Пансион Гортензии славился хорошим обедами, обходительным отношением. Постояльцев здесь не будили, даже если они забывали третий месяц заплатить за комнату.

— Со второго этажа, да на сад, должно быть, чудный вид,— заметил бургомистр.— Кем бы ни был чужак, Город его ценит и ждет.

Брандмайор кивнул: именно так.

— У меня много дел,— соврал бургомистр.— Не соблаговолите ли встретить гостя?— И, глядя в окно, пробормотал:— Хорошо, если это будет часовщик.

Не так давно часы на ратуше остановились, мастера починить их не нашлось, и часть механизма часов была просто заменена заклинанием. И если раньше время управляло часами, теперь иногда получалось наоборот. Бывало, к примеру, что после двух часов дня сразу наступал четверг с обязательным по этому случаю дождичком.

Выйдя из мэрии, брандмайор попытался вспомнить: а где он в последний раз встречал почтовую станцию? Тут же стало стыдно: получалось, что старика Бо он не видел давненько.

Брандмайор стал искать почтовую станцию единственно возможным способом: пошел, куда глядели глаза. И действительно, скоро увидел мачту Неугасимого маяка. Возле станции стояла почтовая карета, вросшая в землю чуть не по самые оси. Уж не понять, отчего в Городе была почтовая станция с этой самой каретой.

Впрочем, имелись в Городе и другие нелогичные вещи.

Многие считали: что толку с брандмайора, когда за пять лет — два пожара? Особенно часто так думал бургомистр: на сэкономленные деньги можно было... Ну, в общем, мало ли что можно сделать с деньгами?

В отместку брандмайор думал: а что толку с бургомистра? Все равно не он правит Городом.

Впрочем, если бы Город указал брандмайору на дорогу, тот сильно бы не расстроился. Был он легок на подъем: ведь вся его семья — он да мандариновое дерево. Но с иной стороны, с каждым годом дерево становилось все больше.

Но и брандмайора, и бургомистра останавливало одно: Город считал иначе. И ратуша, и каланча стояли неизбежно. Равно, как и почтовая станция...

Дверь в помещение станции оказалась закрыта, в окошке кассы паучок неспешно ткал свою сеть. Но брандмайор знал привычки старика почтмейстера. Обойдя здание, он заглянул на конюшню, поздоровался с лошадей. Затем зашел на станцию со служебного входа, но никого в помещении не нашел.

При станции имелась голубятня, на которой порой останавливались транзитные голуби. Старик Бо насыпал им зерна, а взамен читал переносимые вести.

Еще имелась диковинная птица-телеграф. Получилась она путем скрещивания дятла и голубя, ленивого настолько, что ему не хотелось даже летать.

Насест был пуст, птица-телеграф спала. Из приемного отсека брандмайор достал ленту последнего сообщения:

«Сегодня два миллиона семьсот сорок пять тысяч двести восемьдесят девять лет со дня изобретения первого поцелуя. В этот день также была изобретена первая камнеметательная праща, но на фоне целующихся людей это изобретение оставалось долгое время незамеченным».

Дата, впрочем, отсутствовала...

На улице послышался шум. Брандмайор выглянул в окно: во двор на велосипеде въезжал почтмейстер. За его спиной возвышался внушительный тюк травы.

Два человека встретились в конюшне. Почтмейстер насыпал в ясли ароматнейшую траву. Кобыла ее поглощала с неспешным достоинством.

— Что поделывать: лето, белые ночи,— словно оправдывая лошадь, сказал почтмейстер.— Лошадь полночи мучает бессонница, потом она спит до обеда. Вот я и не стал будить ее, сердешную... А ты ко мне?

Брандмайор кивнул: ну не к лошади же!

— Ты по поводу прибытия новенького в Город? Нет,— покачал головой почтмейстер,— вестей о его прибытии я не получал, да и все хозяйство у меня без изменений. Не ко мне он прибудет... У нас есть почтовая станция, но к ней нет сущего пустяка — дороги...

По случаю жары брандмайор зашел в пивную Олафа, чтобы освежиться кружкой пива.

— А вы не знаете, какое пиво любит прибывающий?— как бы между прочим спросил владелец таверны, цедя пенный напиток.

— Наверное, неразбавленное...

Пиво господину брандмайору, в знак особого почтения, было налито в кружку без ручки. Таковых в этой пивной имелось немного.

Когда-то давным-давно Город за что-то обиделся на владельца этого заведения и сделал пивнушку раза в полтора меньше. Тогда Олаф заказал специальные кружки — ручками вовнутрь.

Город шутку не оценил.

Но потом на Город налетела банда бухгалтеров. Все пересчитала, все взяла на баланс, стали требовать накладные на расход дождевой воды, отчет об использовании лунного света.

Совсем замучили горожан.

Город мешал им как мог: скользил, менял каждый день положение домов, улиц и даже свое название.

Но ничего не помогало.

Тогда Олаф в честь Великого Яблочного праздника созвал всех бухгалтеров к себе в зал. Выставил для вида немного пива учебно-тренировочного, светлого, как взгляд младенца. Чуть больше — бархатного. Поболе крепкого, будто мужская дружба. Да черного, словно сердце ночи. А еще пару корзин вина, сухого настолько, что его приходилось не пить, а грызть.

Перепивших счетоводов свалили в прибывший совсем кстати свинарник, и через час банды уже не было в Городе.

Разъяренный на бухгалтеров бургомистр даже думал объявить математику лженаукой и запретить ее преподавание в школе. Но брандмайору удалось его отговорить.

Уж неизвестно, что получил владелец свинарника взамен утерянного, но Олафу Город просто вернул размер пивной — ни больше ни меньше. Хозяин не роптал, а просто оставил пивные кружки такими же — ручками вовнутрь. Все же какая-никакая особенность заведения. Да и пива в такую посуду помещалось чуточку меньше...

Пока же брандмайор пил свой напиток и прислушивался к разговорам посетителей. Народец говорил все больше о том, что в Городе скоро будет новый человек. Но никто не рассказывал ничего такого, о чем не знал начальник пожарных.

Вот только за его спиной кто-то повествовал о случае новом, но, безусловно, отношения к гостю не имевшем:

— ...Ну и за возвращение стрелы надоть лягушку целовать... Поцеловал, а лягушка говорит: «Чтой-то ты целоваться не умеешь, да и царство у тебя второго сорта. Не пойду я за тебя, буду ждать другого принца». Побрел парень домой, встретил девушку простую, с волосами золотыми, аж до самой попы... А лягушка так никого и не дождалась и умерла на болоте жаба жабой!

За столиком напротив тянул свой напиток директор фабрики, производившей неизвестно что.

— Кстати,— спросил брандмайор, будто невзначай,— как у вас идут дела на фабрике?

— Прелестно!— ответил директор.— На этот месяц план по неизвестно чему выполнен в полном объеме! Выпуск непонятно чего вырос на четверть!

— Ясненько... А штат у вас как укомплектован? Нет ли вакансий?

Хитрость была раскрыта. Директор улыбнулся:

— Нет, завод ни в ком не нуждается. Чужак не к нам, если вы об этом...

Как и все хорошее, пиво быстро заканчивалось.

Когда брандмайор потянулся к кошельку, Олаф стал отмахиваться, словно обиделся:

— Что вы, господин пожарный! За счет заведения.

Тем не менее брандмайор положил на стойку монету:

— Сдачи не надо.

Олаф смел монетку, но сдачу отсчитал точно: как вы к нам, так и мы к вам.

Пока выбирал мелочь, проговорил:

— А к слову, нельзя ли для меня устроить должность Дежурного-По-Августу?

Брандмайор задумался: в самом деле, отчего бы не Олаф? У него определенно есть заслуги перед Городом. Может, Город их не хочет замечать, но по-человечески это можно уважить.

— Хорошо,— кивнул брандмайор.— Я поговорю с бургомистром. Наверняка что-то можно сделать.

От пивной Олафа до пансиона госпожи Гортензии было рукой подать. И трактирщик неспроста интересовался вкусами будущего горожанина. Если прибывший любит пиво, то у пивного заведения появится еще один завсегдатай. «А разве можно не любить пиво по такой-то жаре?» — подумал брандмайор, вытирая со лба пот.

Перейдя дорогу, он зашел в пансион. Хозяйка встретила его в зале, словно ждала. Впрочем, говорили, что госпожу Гортензию еще никому не удавалось заставить врасплох. Те, кто пытались это опровергнуть, нарывались на неприятности. Брандмайор не пытался и потому сохранял с госпожой Гортензией хорошие отношения.

Несмотря на наступившую по поводу июля жару, в пансионе было прохладно. Жалюзи на окнах рубили солнечный свет в мелкое крошево, стоял приятный полумрак. Хотелось прилечь на мягкие перины и передумать эту сиесту.

Брандмайор помотал головой, словно сбрасывая с себя искушение — все-таки он был на службе. Затем осмотрел комнату для гостя. Она была чистой, уютной. Расторопные слуги уже расставили мебель, застелили постель. Из окна действительно открывался чудесный вид на сад. В нем неторопливо, но неотвратимо, наклоняя ветви все ниже, зрели яблоки. Наступит день — их соберут, и ветки снова уйдут вверх. И так до следующего года.

Вспомнился девиз бродячего синоптика, как-то попавшего в Город: «Своей работой я приближаю весну». Синоптик, к слову, тоже жил здесь, в пансионе, и довольно странно пропал из Города. В прошлом году помогал хозяйке собирать урожай, но свалился с дерева. На земле его так и не нашли. Решили, что синоптик упал в небо. Говорят, у них такое бывает.

— Как думаете, когда ждать нового постояльца?— прерывая раздумья брандмайора, спросила тетушка Гортензия.

— Думаю, завтра утром, может быть, до обеда.

— Тогда вечером я прикажу поставить в комнате цветы.

Уже спускаясь по лестнице, брандмайор вздрогнул, почувствовав слабый запах серы.

— Все ли хорошо с постояльцами?— спросил он.

— Вы про серу? Не беспокойтесь, это маг из пятого номера. Ему сегодня скучно, и он вызвал какого-то мелкого беса. Однако не для того, чтоб продать душу, а поговорить, сыграть партию в шахматы.

Брандмайор было махнул рукой, но затем вспомнил, заговорил:

— Я не буду прерывать партию в шахматы. При случае передайте ему, чтоб впредь эликсиром вечной мо-

ФАНТАСТИКА

лодости торговал разумнее. Из-за него кое-кто в муниципалитете начал впадать в детство.

К пожарной каланче брандмайор вернулся уже в сумерках.

Открывая дверь, посмотрел на небо, увидел звезду. Вгляделся: единственная ли? Оказалось, действительно первая.

Потом он загадал желание — то же, что и вчера. То же, что и год назад. И вот уже больше года оно не сбывалось. «Ну и что с того?— подумал брандмайор.— Завтра будет новая звезда».

В этот момент он почувствовал, что кто-то тянет его за рукав. Обернулся и увидел девочку.

— Чего тебе?

— У меня песик пропал, цвета дымчато-испуганного. Тебе сверху видно все — вдруг найдешь его.

Брандмайор задумчиво кивнул: никогда не известно, что именно он увидит с каланчи.

Войдя в башню, брандмайор наконец снял китель, оставил на вешалке у входа. По лестнице поднялся на смотровую площадку. Оттуда, как на ладони, был виден весь Город.

И если среди улиц в полный рост стоял вечер, то тут, на высоте, продолжался день...

Брандмайор ужинал, пил чай, поднимал чашку за здоровье заходящего солнца. После трапезы осматривал через телескоп вверенную область на предмет несанкционированного огня.

О телескопе знали все в Городе. Поэтому незамужние девушки в округе покупали кокетливые полупрозрачные занавески. Отходя ко сну, переодевались непосредственно за ними и с горящим ночником.

Но брандмайор, осмотрев Город на предмет открытого пламени, переводил телескоп на огни другие, небесные. А внизу Город снова менялся. Дома кружили, словно в танце. В садах с невыносимой легкостью зрели яблоки.

Гасли огни в окнах домов, и скоро брандмайор оставался наедине со своей бессонницей. Снова пил чай, порой с чашкой спускался вниз, чокался с Городом о чашу фонтана.

Из часов на ратуше выскочила механическая кукушка. Но, осмотрев спящие дома, решила народ не будить и возвратилась назад, в свое гнездо, свитое из металлической стружки. Что она там делала, брандмайору было неизвестно. Да и все то, что происходило внутри механизма, он считал личным делом часов.

Около полуночи брандмайор все же прилег прямо

ФАНТАСТИКА

возле телескопа, укрывшись шинелью. Сон долго не шел, и, чтобы задремать, пришлось считать до самой бесконечности. Начал считать обратно, но все же забылся...

Через земляничные поля шла дорога, выложенная желтым камнем. На одном из полей отдыхал туман и, пока никто не видит, лакомился земляникой.

Утром он поднимется в небо, станет облаком, прольется на землю ягодным дождем — явлением столь же редким, сколь и приятным.

А пока стояла ночь, и по желтой дороге спешил человек. У него не было времени обращать внимание на цвет камней под ногами, на туман, на земляничные поля, черные в скупом лунном свете.

Беглец оглядывался, но шага не сбавлял. Смерть так часто гналась за ним и теперь, похоже, выигрывала гонку. Но чем дальше он будет идти, тем больше проживет.

Однако у большого камня путник все же остановился, чтобы перевести дух. Огляделся, прислушался: что стучит в ночи? Копыта вражеских коней? Нет, только его сердце.

От камня отходила бывшая дорога — просека, поросшая травой и молодыми деревцами. Бежать по ней? А что толку, найдут ведь и там...

За это время ничего, казалось, не менялось. Все так же дул ветер, заплетая в косицы траву. Все так жеплыли по небу облака, медленно ползли звезды. Но вдруг ветер стал теплее, запах березовым дымом и пирогами. Бурьян начал отползать с дороги, через минуту она очистилась. Затем полотно стало подниматься, сквозь пыль проступили прямоугольники брусчатки.

Путник сделал по ней шаг...

А в это время на пожарной каланче проснулся брандмайор. Поднялся, осмотрел Город. Прямо от дверей башни к околице шел проспект, которого еще вчера не было.

Брандмайор спустился, пошел по еще спящему Городу. И пока шел, думал, как встречать гостя. Хлебом да солью? В каланче где-то имелась солонка, но сколько там соли, брандмайор точно не знал.

С хлебом дело обстояло хуже. Город просыпался. Вишневыми дровами топили свои печи булочки. Но прежде чем в булочных печь выдаст первый калач, пройдет много времени. А потчевать черствым хлебом или сухарями как-то не то.

Разбудить городской оркестр? Но кому понравится, когда их будят в самый сон?..

Над проспектом свою ветвь клонила яблоня, наверное, вековая, самая почтенная в Городе. Брандмайор сорвал яблоко, попробовал — сладкое. Сорвал еще несколько, спрятал их в карман кителя. Пошел по одинокому променаду дальше, кусая плод.

К городской околице подошли разом: чужак и брандмайор. Пожарник достал из кармана яблоко, протянул прибывшему:

— Хочешь?

Новый горожанин покачал головой, потом оглянулся, Честно предупредил:

— За мной гонятся.

Брандмайор пожал плечами:

— Иногда так бывает.

— Они скоро будут тут.

— Не думаю. В Городе только одно свободное место.

— А те, которые?..— спросил чужак.— Они могут быть опасны.

— Они...— косо улыбнулся брандмайор.— Они с той стороны дороги. И останутся там надолго. Наверняка навсегда.

С момента налета банды бухгалтеров прошло достаточно времени, и теперь Город не даст себя застать врасплох.

А у желтого камня остановилась спешащая кавалькада. Шумно ловили ртом воздух саблезубые боевые кони. Недобро переглядывались их седоки. Злые псы рычали, натягивали цепи. Их слюна падала в дорожную пыль, оборачивалась серой коркой.

Но вот беда, собаки уже не чуяли след. Чтобы скрыть свою растерянность перед хозяевами, тянули поводки в разные стороны.

Суровые всадники направили было коней по просеке, но ноги скакунов путались в бурьяне.

Просека была пуста, трава стояла непрямая. Да и псы, несмотря на строгие ошейники, тянули своих хозяев на дорогу.

Прошла еще минута, и от кавалькады и след простыл.

Оно, наверное, и к лучшему.

Меж тем чужак и брандмайор шли по Городу.

Новенький порой оглядывался назад. Но все реже: его спутник источал спокойствие и уверенность.

«Спросить все же, чем он занимается?— думал брандмайор.— Да ладно, успеется...»

Над Городом загорался новый день.

